

ФЕДОР СОЛОГУБ ПУБЛИЦИСТ

Татьяна Николеску

Публицистика Сологуба, несомненно, наименее исследованная область его творчества. Она привлекала внимание литературоведов меньше, нежели его стихи и проза, или драматургия. И его современники, даже его коллеги по символизму, обращали на нее не очень большое внимание. Во всяком случае в бурных полемиках начала века, в которых принимали такое живое участие Брюсов, Белый, Мережковский, З. Гиппиус, Вячеслав Иванов, голос Сологуба звучал реже и без особенного общественно-литературного резонанса. В действительности же, Сологуб не обошел эту область в своей деятельности, наоборот он постоянно стремился сотрудничать как публицист в газетах и журналах, и не только чисто символистических.

О его бесспорном интересе к публицистике говорит и его переписка с такими современниками, как Брюсов, Волынский, Леонид Андреев, или даже Бунин, в определенные годы непосредственно связанными с различными органами печати, а также и его писательский "curriculum". Обращаясь к нему, мы можем отметить присутствие имени Сологуба в разных символистических или близких к символизму изданиях, как "Северный Вестник", "Весы", "Мир Искусства", "Золотое Руно", "Перевал", альманах "Северные Цветы", или в таких журналах и газетах, весьма неоднородных по направлению, как "Биржевые Ведомости", "Новости", "Образование", "Русский народный учитель", "Сын Отечества", "Новая жизнь", "Русь", "Русская мысль" (куда его пригласил сотрудничать В. Брюсов), или в интересном но эфемерном издании "Вопросы жизни". Другими словами, он не ограничивался периодикой "группового" характера, хотя нужно в то же время подчеркнуть, что и в беспринципности его нельзя

упрекать.¹

Чем можно объяснить это стремление к печатной трибуне со стороны такого замкнутого, мало общительного человека, как Сологуб? Желанием известности? популярности? Но ведь он же сам признавался: “я избегаю тех путей к популярности и влиянию, которым пользуются другие... я не имею ни популярности, ни влияния...”² Или можно это объяснить желанием диалога с читателем, желанием общения с более широкой аудиторией с целью ознакомить ее со своими мнениями, желанием влиять на публику, которой иногда оставались недоступны его стихи? Но на это сразу же можно возразить, что Сологуб не любил толпы, массы, возможно даже презирал их, во всяком случае ставил превыше всего, как известно, свое “Я”. Ему утверждавшему “все и во всем – Я, и только Я, и нет иного и не было, и не будет” вряд ли были важны мнения других. Возможно, так же как и его герой Триродов, он “несколько презирал людей... и никогда не сделал движения, чтобы угодить или понравиться...”. Один из его первых критиков, Горнфельд,³ заметил: “Любовь к людям, к живым, к отдельным, вне Сологуба; толпу он хоть ненавидит, людей просто не видит”.

Однако же интенсивность деятельности Сологуба-публициста неоспоримый факт, который может быть объяснен именно заинтересованностью писателя в таком виде литературной работы. Об этом между прочим говорит и прямое свидетельство: признание самого Сологуба в письме к А. Волынскому, от 12 июня 1918 г. в котором он выражает свое согласие сотрудничать в его журнале, и предлагает “не только рассказы... но и статьи публицистического характера...”⁴

Если же подумать о значительном удельном весе статей на общественные темы и об их просветительском уклоне, то

¹ Например, он отказался участвовать в октябристской газете “Голос Москвы” (см. письмо к Брюсову от 28 октября 1907. – Ежегодник Рукописного Отдела Пушкинского Дома, 1973, с. 114).

² Письмо к П. Щеголеву от 10 февр. 1913 г. (ИМЛИ, фонд 210).

³ А. Г. Горнфельд, *Ф. Сологуб*, Русская Литература XX в., под ред. С. А. Венгерова, т. 2, ч. 1, М. 1915, с. 38.

⁴ ЦГАЛИ, фонд 95, оп. 1, ед. .хр. 802.

естественно связать интерес к публицистике, хотя бы частично, с педагогической деятельностью Сологуба и шире с его, в основном, демократическими воззрениями по вопросам образования и культуры. Однако же это не единственное объяснение.

Исходя из тематическо-жанрового принципа можно разделить публицистику Сологуба на две группы: общественно-политическую и литературную (вторая довольно известна: такие статьи как *Театр одной воли*, *Демоны поэтов*, *Искусство наших дней* и др.). Первая в большей своей части привлекала меньше внимание литературоведов, хотя по своей численности статьи этой группы превышают во многом вторую. Конечно, статистические данные не являются решающим доказательством, однако же они могут служить подтверждением или аргументом в пользу определенного мнения. В данном случае, думается, не лишены убедительности некоторые цифры, касающиеся публицистики Сологуба. В 1895 г. Сологуб, тогда начинающий писатель, выступил на страницах «Северного Вестника» со статьями в четырех номерах подряд (среди них статья *Нечто о петербургских обществах и кружках*). В том же году, и в том же журнале, появляются за его подписью 14 рецензий. В 1896 г. он печатает там же 9 рецензий. В газете «Новости» за 1904 г. Сологуб напечатал свыше 40 рецензий (в определенный период печатался ежедневно), а в 1905 г. появилось за его подписью 17 статей. Библиографический справочник 1909 г. указывает, что он напечатал до этого времени 80 рецензий. Эти данные говорят и об интенсивности работы писателя в области публицистики, и в то же время о ее разнообразии. Сологуб обращался к эссе, к различным по своей тематике статьям, и очень часто к рецензиям, не пренебрегая этим минорным жанром, отличающимся, однако же, несомненной оперативностью.

Поскольку предметом данного доклада будет общественно-политическая публицистика Сологуба, следует начать с определения ее тематического круга. Одна из проблем, естественно волновавших писателя, работавшего педагогом, и нашедших свой отклик в его прозе, было воспитание и образование молодого поколения. В этой сфере можно указать на такие статьи как *Во что обойдется всеобщее обучение*, *Лига родителей*, *Из окна*, *Одежды и надежды*, *Довольно жвачки*, *О дачных детях* и др., а также на целый ряд рецензий

на книги такого же содержания. В эту категорию следует включить и статьи о культуре книги, вопрос не менее привлекавший внимание писателя. Вспомним восклицание Сологуба “да, мало любви в русской книге!”, которым заканчивается его статья *Книголюбцам* (“Новости”, 1904, 9 авг., с. 2). К этой же тематической группе относятся статьи по женскому вопросу: о воспитании девушек, о положении женщины в обществе, о ее правах. Просветительский уклон этих выступлений явен и роднит их с определенным направлением русской публицистики конца XIX в., демократической и даже народнической ориентации, представленной Н. К. Михайловским и Л. Н. Толстым. Автор выступает против муштры в школе, против казенщины и формалистики в воспитании и преподавании. Сологуб ратует за всеобщее доступное образование, доказывая его необходимость, его жгучую актуальность для России того времени. “Поймите, жизнь не стоит, не ждет... и деньги и люди есть. И школа должна быть. И не через 25 лет, а немедленно же. А жевать старую жвачку пора бросить. Надоело”, пишет Сологуб гневным тоном, присутствием многим его публицистическим выступлениям (*Довольно жвачки*, “Новости”, 1904, 5 дек., с. 2). Для своего времени требования предъявляемые Сологубом к воспитанию детей и юношей носили несомненно прогрессивный характер. Они касались здорового развития тела и души, формирования эстетического вкуса, трудовых навыков, и в особенности чувства собственного человеческого достоинства. Воспитательная программа, если можно так сказать, нашего писателя основывалась на глубокой любви к детям, в которых он видел воплощение “нашей единственной, светлой надежды... Прекрасное тело, могучий дух, сочетание свободы и согласия, умелость и отвага все, что у нас самых так мало, пожелаем, наконец всего этого нашим детям...” (*Одежды и надежды*, “Новости”, 1905, 25 мая, с. 2).

Шире по своему кругозору и значительнее по затронутым вопросам – статьи на социально-политические темы. Одновременно они весьма злободневны по своему содержанию. В них Сологуб выступает по таким вопросам как о гражданском долге и о гражданских правах (*Права, Гражданин и корона*), о свободе печати (*Холера и цензура, Капризы доверенности*), о демократических реформах (*Сосуды разной силы*), в первую очередь об аграрной реформе, об исторических судьбах Рос-

сии (*Истинно-русские люди, Демон несвоевременности, Самоцинии, Международное мнение, Беспорядок, После катастрофы*, и т. д.). Многие из них относятся к периоду 1904-1905, и являются как бы прологом к той острой полемике, которая развернется вокруг “темы о России” (слова Блока) в годы первой русской революции и сразу же после нее, и в которой примут участие, как известно, Мережковский, Белый, Вяч. Иванов, Струве и др. Проходила же эта полемика в двух планах: как спор о русском характере и как сугубо историософский спор, выраженный в противопоставлении двух понятий: “великая Россия” и “больная Россия”. В какой-то степени эта полемика воскрешала традиционное противопоставление “славянофилов” - “западники”.

Позиция, занятая Сологубом, своеобразная, и именно этим и интересна. Он не разделяет точки зрения Мережковского, для которого Россия “больная”, но и не соглашается со Струве, утверждавшим идею “великой России”. Исходя из “исторической оценки русского характера” и судьбы русского народа, он видит эволюцию русского исторического процесса как несколько причудливую, извилистую линию. Отвергая позиции некоторых современников, называвших себя “истинными русскими людьми”, но на деле проповедовавших шовинизм, нетерпимость, “ненависть ко всему чужому” Сологуб считает подлинно русским характер предков, славян, русских славян, “отличавшихся свободолобием, гостеприимством, терпимостью, склонностью входить в дружеские и родственные связи с людьми чужого племени” (*Истинно-русские люди*, “Новости”, 1905, 17 янв., с. 2). Этот истинный русский характер извратился в течении веков, под влиянием двух главных зол: одно зло это византизм, утвердившийся вместе с проникновением христианства, другое зло это татарщина. Дух византизма определяется писателем как “дух мелкого лукавства, лицемерия, угодничества перед властью, ненависти к независимой мысли, дикого формализма в делах совести...”. Роковым последствием проникновения “византизма” было начало разъединения России с культурным западом: “едва заметное в начале, оно потом обратилось в зияющую пропасть, которую теперь приходится заполнять с непомерными усилиями и жертвами, точный размер которых еще не скоро учтет беспристрастная история...”. Еще более “роковыми” были последствия татарщины; а именно, среди

других, Сологуб указывает на исчезновение удельно-вечевого строя. А само же нецентрализованное государство, рожденное в результате сопротивления татарскому игу, из желания защититься от него, оказалось “пропитанным духом татарщины”, выраженным в “грубости, жестокости, произволе власти”.

Однако же, начавший как “западник”, Сологуб делает неожиданно крутой поворот, он отрекается от Петра. Практически, цитируя Мережковского, для которого Петр “первый русский интеллигент”, Сологуб называет его “зловещим гением”, “грубым и кровожадным вампиром”, “вволю упившемся горячей кровью свободолюбивых стрельцов”, “первым, увенчанным бессердечным чиновником...” (*О Грядущем Хаме Мережковского*, “Золотое Руно”, 1906, № 4, с. 103). Город построенный им, Петербург, “далекий от настоящих центров подлинной русской жизни”, город “млечных туманов” и город “каменных стен” (а стены всегда отрицательная метафора у Сологуба). Представленный в таких мрачных красках, напоминающих нам Петербург Достоевского или А. Белого, город, однако же раскрывается Сологубу и в противоположном свете, вселяющем надежду на лучшее будущее. В нем “чувствуется трепет новых мыслей, еще полувывысказанных, но уже выяснившихся в напряженном сознании столичного обывателя, чувствуется жажда иных укладов жизни” (*Наша общественная жизнь, Нечто о петербургских обществах и кружках*, “Северный вестник”, 1895, № 1, с. 49). Этот “двуликий Петербург” очень хорошо определяет понимание Сологубом современного развития России. Как и перед другими русскими интеллигентами, его современниками и коллегами по поэтическому цеху, символистами, перед ним становилась проблема прогресса, модернизации русской жизни, проблема дальнейшего развития страны, ее исторических перспектив.

Картина современной русской жизни удручающая. Сологуб как бы предвещает мрачные заключения, к которым придут вскоре за ним Бунин в *Деревне* и в рассказах 10-ых гг., или Ремизов в *Пятой язве*, и в то же время подготавливает читателя к своему *Мелкому бесу*. Всюду мелкость духа, мелкость характеров, “маленькие людишки”. “Может быть люди в множестве никогда и нигде не были так малы и ничтожны как в России XIX века”, делает он обобщающее заключение. При том “русская государственность осуществила худшие сторо-

ны человеческих сожитий” (*О Грядущем Хама Мережковского*, с. 103). Зорко определяет писатель современное ему состояние страны как “застойное болото”, в котором живут мелкие, испуганные люди “незрелые в правовом смысле”, привыкшие к страху (*После катастрофы*, “Новости”, 1904, 3 июля, с. 2), “люди – слабые, ничтожные” (*Сосуды разной силы*, “Новости”, 1904, 30 мая, с. 2-3). Он прозорливо и точно называет болезни, которыми страдает русское общество: беспорядок,⁵ лень, затхлость быта, инерция мысли. Отсюда заключение: в России не было никогда “ни свободы, ни истины, ни того движения, которому присвоено... название ‘прогресса’” (*О Грядущем Хама Мережковского*, с. 104). Критический пафос Сологуба в оценке современного ему состояния России близок к позиции, с которой рассматривает Мережковский настоящий день “больной России”. Но когда ставится вопрос о перспективе, о завтрашнем дне, их позиции расходятся. Для Мережковского будущее страны ужасно, страшно... Это будет наступление черта, воплощенного в пошлость, в хамство, в мещанство: “Одного бойтесь – рабства, и худшего из всех рабств, – мещанства, и худшего из всех мещанств – хамства...” предупреждает Мережковский в своей известной статье *Грядущий Хам*. Перспектива нарисованная им страшна, апокалиптическая, поскольку “грядущий хам”, “мещанство” результат развития, прогресса, порожден им, и поэтому особенно опасен. Идя вперед, развиваясь технически, экономически, общество одновременно способствует утверждению “Хама”.

По мнению Сологуба, поступательное движение исторического процесса иное. Торжество Хама не в будущем, а сейчас, в современности. “Хамство – грязный пережиток старых лет, издыхающее порождение старого строя...” пишет он в своей ответной статье на статью Мережковского, напечатанной вскоре в журнале “Золотое Руно” (1906, № 4). С хамством нужно бороться и эта борьба приведет к прогрессу. Отсюда заключение прямо противоположное Мережковскому: “Царство Хама не грядет, а кончается...”.

Финал статьи Сологуба, своим восторженным, пророческим тоном напоминающий заключительные аккорды *Зеленого*

⁵ Ф. Сологуб, *Беспорядок*, “Новости”, 1904, 3 ноября, с. 2.

Луга Андрея Белого, вырастает в пылкий призыв к свободе, которую нужно любить “превыше всего на земле и в мире нездешнем”. И с ницшеанским вызовом писатель провозглашает: “путь самоутверждения... единственный для нас путь спасения...”.

И так, на основе общественно-политической публицистики перед нами возникает несколько неожиданный облик Сологуба. Он выступает как писатель глубоко встревоженный драматическим положением страны, жаждущий ее обновления, как гражданин озабоченный судьбой своего народа и своей родины. Этот писатель, погрузившийся в серую русскую повседневность, остро переживающий ее “тяжелые скорби и гибели”,⁶ ее духовные и материальные надрывы, одним словом этот писатель – общественник очень далек от поэта, жителя неведомой планеты Маир, мнившего себя создателем “небес и земли”, гордо утверждавшего свое архииндивидуалистичное ‘credo’: “Все Я и все во Мне. И нет вне Меня бытия, ни возможности бытия” (*Я – книга совершенного самоутверждения*, “Золотое Руно”, 1906, № 2, с. 76). Однако же эти противоречия, даже если и глубокие, не должны нас удивлять. Сологуб был, несомненно, “двуликим Янусом” или как говорил тот же критик Горнфельд, “всеобъемлющим вместилищем противоречий”. Но в то же время, при всей антиномичности своих мнений и выступлений, он был писателем “единой воли”, единой цели. И его публицистика в одинаковой мере, что и стихи, или проза, подвластна той поэтически-мировоззренческой модели, которую писатель теоретически обосновал в статье *Демоны поэтов*, в сочетании двух антиномических принципов: ироническое “да” и лирическое “нет”. В публицистике предстает именно грубая жизнь, “дебелая бабища”, “грубая девка Альдонса” из которой писатель, “вдохновенный творец, чародей и мечтатель” хочет творить сладостную легенду. Это творимое – прозкия в завтра, перспектива, будущее. *Творимая легенда* – это утверждение нежной красавицы Дульцинеи, прекраснейшей женщины, вместо грубой девки Альдонсы. Это утверждение мечты о вечной красоте, столь дорогой Сологубу-художнику, которая должна победить серую,

⁶ Ф. Сологуб, *Поминание*, ЦГАЛИ, ф. 422, оп. 401.

ничтожную действительность. И когда Сологуб говорит “да”, свое ироническое “да” пошлости жизни, нелепой действительности, с ее отсталой системой обучения и воспитания, основанной на насилии, неправде, невежестве, то он тут же выдвигает идеал, лирическое “нет”, новых отношений и новых принципов воспитания: музыка, как необходимая часть программы обучения, общение с природой, культ человеческого тела, красивая одежда, и т. д.

Этот идеал воплощен им в детях, по его мнению подлинных носителях “красоты в жизни” (*О дачных детях*, “Новости”, 1903, 1 июля, с. 2). Когда Сологуб говорит о “злом земном томлении”, о “злом земном жилье”, о полицейском государстве, об отсутствии гражданских элементарных прав (свободной печати, народного представительства), то всему этому он противопоставляет в своем лирическом “нет” мечту о “живой воде”, о вольной жизни, утверждая с пафосом “в свободе – творчество и радость жизни” (*О Грядущем Хаме*).

Этот идеал жизни, “живой воды”, определяется в демократических и либеральных параметрах: ограждение “от всякого вмещательства государства и начальства” в частную жизнь людей, “широкая осведомленность русского общества о делах общественного значения”, настоящий порядок, свободный от “застывших, мертвых форм”, и, в особенности, утверждение личной инициативы, индивидуальной энергии. Сологуб определяет эти качества словом “самочине”, которое он сам объясняет как “ненужная инициатива”. Ненужная именно в России, где повсюду царит полицейский порядок, где “людям с инициативой плохо живется”. Но даже в России нельзя полностью истребить дух инициативы, предприимчивости. “Самочинные люди не переводились; и даст Бог, не переведутся и вперед” (*Самочиние*, “Новости”, 1905, 12 февр., с. 2). Добродетели, которыми наделяет Сологуб “самочинных людей” (энергия, инициатива, смекалка, изобретательность), напоминают нам образ деловитого русского человека, выведенный Буниным в рассказе *Соотечественник*. Другое важное понятие, выдвигаемое писателем с основополагающим значением для желаемого демократического устройства России – это понятие “гражданин”. Именно превращение русского человека из обывателя в гражданина и является знаменательным, симптоматическим фактом. “Обыватель становится гражданином. Вот смысл переживаемого нами исторического

момента” пишет Сологуб (*Гражданин и корона*, ЦГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр 403). Писатель подчеркивает трудность и поэтому и медлительность этого процесса, понятные однако же поскольку “уж слишком велико превращение”. Сделаться “из объекта начальственных попечений... субъектом гражданских прав и обязанностей – это почти так же трудно, как из обезьяны стать человеком”.

Такому изменению “правосознания русского общества” должен соответствовать “трудный и сложный процесс переустройства государства из полицейского в правовое”. Писатель намечает в своей статье, оставшейся в рукописи, интересный проект отношений между индивидуумом – гражданином и самодержавной властью, основанный на единстве интересов высшего порядка,⁷ и на четком разграничении конкретных сфер проявления власти⁸ (законодательной, административной, судебной). В конечном итоге, историософская концепция Сологуба проникнута верой в возможность прогресса, завтрашнего демократического развития России, направляющейся по демократическому европейскому, “западному” пути. Этой “России в мечтах и ожиданиях” посвятил Сологуб свою лекцию, прочитанную 22-го октября 1917 г., т. е. практически накануне революции в зале Петровского училища. Хотя и высказал свое предчувствие “мировой грозы”, писатель однако же определил свои “мечты и ожидания”, а именно как гармонический синтез между просвещенным западом и мечтательным востоком (ИМЛИ, фонд 210, 1-70).

Как и для других русских символистов и для Сологуба

⁷ “Принцип верховной власти – пишет Сологуб – прекрасно выражен в приснопамятных словах Петра Великого в дни Полтавы: “А о Петре ведайте, что жизнь ему не дорога – жила бы Россия в славе и благоденствии” Слава и благоденствие государства – продолжает Сологуб – вот цели к которым стремится верховная власть, если она достойно исполняет свое назначение. С высоты ясного понимания этих целей невозможен конфликт между короною и гражданами. Ибо слава и благоденствие государства не могут основываться на бесславии и несчастьи граждан”.

⁸ “Верховная власть, как бы она осуществлялась и кто бы ни был ее носителем, всегда по существу своему для данного государства едина. В силу своего единства она может заняться только одним делом. А потому круг дел, доходящих до верховной власти, непременно должен быть ограничен”.

культура, литература являются важной составной частью его понимания исторического процесса. Так в неопубликованной статье *Поминание*, посвященной Чехову, после скорбного сетования о “гибели столь ранней и жестокой дарования столь блистательного и славного”, Сологуб переходит к размышлениям о “свирепой судьбе русской литературы”. Как бы повторяя известный “мартиролог” составленный Герценом,⁹ он указывает на глубокое противоречие между блестящим развитием русской литературы в XIX веке и “тернистым путем” отдельных ее представителей. В это “славное столетие русской литературы” было “столько мнений: гонений, злобы, клеветы, гибели!”. В заключении своего обзора Сологубу остается лишь воскликнуть: “Бедная русская литература!”.

Иногда гневные, иногда скорбные слова Сологуба-публициста не звучат одиноко и неожиданно, они встречаются с разоблачающими суждениями о “передоновщине”, с суровыми оценками русской действительности некоторых героев его романа *Заклинательница змей* и пьесы *Заложники жизни*. Единство общественной публицистики с другими творческими областями, с прозой, драматургией, даже поэзией, и тем более литературной критикой, не случайно и не удивительно. Оно определяется единством подхода писателя, его ироническим “да” и лирическим “нет” во имя идеала, во имя гармонии, которым поэт, жрец искусства, служит и должен служить. А служить искусство художник должен искренне не “иначе, чем он служит богу”.¹⁰

⁹ “Пушкина и Лермонтова затравили, загрызли маленькие, не столжко злые, сколжко обиженные непомерным ростом гигантов человечки; Достоевский испытал каторжные муки; мучен был Шевченко; с беспощадной, ненужной жестокостью загублен был Полежаев, безвременно и мучительно умерли милый, кристально-чистый Белинский, грубовато честный Добролюбов, нежный и страстный Кольцов; под забором погиб Николай Успенский, и Глеб Успенский – среди помещанных, безумный как они; сгорели, как в огне, Помяловский, Кушевский, Левитов, Суриков, и также как они несчастный, но прославленный Надсон, – и много еще иных, великих и малых, можно внести в этот синодик пострадавших даже до смерти во славу родной литературы” (ЦГАЛИ, фонд 482, оп.1, ед. хр 401).

¹⁰ Из речи Сологуба на “Собрании деятелей искусства всех отраслей” 12. 3. 1917 г. в Михайловском театре. ЦГАЛИ, фонд 336, оп. 7, е=х 3, с. 24.

